

Гессен, Юлий Исидорович

Евреи в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г43

Г43 **Гессен, Юлий Исидорович**
Евреи в России / Гессен, Юлий Исидорович – М.: Книга по Требованию, 2020. –
479 с.

ISBN 978-5-517-98022-9

Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев.

ISBN 978-5-517-98022-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

выпуска книги въ ея настоящемъ видѣ; надѣюсь съ теченіемъ времени исправить ее.

Первая часть книги отведена общей исторіи Положенія 1804 г. Во второй части подробно разработаны важнѣйшіе вопросы тогдашней еврейской жизни, разрѣшенные Положеніемъ. Въ третьей части сгруппированы небольшіе очерки, относящіеся къ затронутой эпохѣ.

Въ концѣ книги приложены нѣкоторые документы изъ числа извлеченныхъ мною изъ архивовъ и до сего времени вовсе не появившіеся въ печати, или же приведенные лишь въ моихъ журнальныхъ статьяхъ.

Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить признательность историку С. М. Дубнову, указаніями котораго я не разъ пользовался въ своихъ работахъ, а также поблагодарить за доброе содѣйствіе бібліотекаря Петербургской публ. бібліотеки А. И. Браудо и секретаря архива сената Н. А. Мурзанова.

1905 г.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Къ столѣтію русскаго законодательства о евреяхъ.

9-го декабря 1904 г. истекло столѣтіе со дня высочайшаго утвержденія перваго свода законовъ о евреяхъ въ Россіи—„Положенія о евреяхъ“ 1804 г.

Исторія евреевъ въ Россіи какъ русско-подданныхъ явила не мало доказательствъ того, что еврейскій вопросъ въ Россіи, какъ и всюду, находится въ тѣсной зависимости отъ общихъ условій окружающей жизни, и эта зависимость особенно рельефно выражалась тогда, когда въ Россіи происходили событія значительной важности, въ области ли политико-государственныхъ реформъ, или же въ сферѣ умственной дѣятельности народа. Она должна была, конечно, обнаружиться и въ первые годы царствованія Александра I, когда прогрессивныя стремленія государя, найдя опору въ либерально настроенной мысли многихъ русскихъ людей, вызвали оживленную борьбу между представителями стараго и прогрессивнаго слоевъ общества.

Въ ряду намѣченныхъ широкихъ реформъ, правительство не могло оставить безъ вниманія неопредѣленное, ненормальное положеніе еврейскаго населенія въ Россіи, а прогрессивные элементы общества должны были внести въ отношенія государства къ евреямъ—принципы гуманности и терпимости.

Дѣйствительно, этотъ моментъ въ исторіи русскихъ евреевъ ознаменовался учрежденіемъ въ 1802 г. еврейскаго комитета, имѣвшаго цѣлью установить юридическое положеніе евреевъ въ государствѣ, внести благодѣтельныя ре-

формы въ ихъ гражданскомъ быту; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружившееся общественное движеніе создало условія, при которыхъ надежды на общественную эмансипацію евреевъ стали болѣе или менѣе осуществимы. Увы! ни одно, ни другое не сбылось!.. Подобно многимъ „благимъ начинаніямъ“ того времени еврейскій вопросъ постигла неожиданная развязка. Выработанный комитетомъ законодательный актъ мало чѣмъ улучшилъ юридическое и общественное положеніе евреевъ.

Такимъ образомъ Положеніе 1804 г. не принадлежитъ къ числу тѣхъ законодательныхъ памятниковъ, которые сами по себѣ заслуживаютъ вниманія и изученія—потому-ль, что они проникнуты государственной мудростью и возвышенными стремленіями, или потому, что они оказали глубокое вліяніе на дальнѣйшую жизнь даннаго общества:—съ точки зрѣнія государственнаго разума Положеніе 1804 г. не возвышается надъ среднимъ уровнемъ современнаго общественнаго развитія; въ Положеніи нѣтъ также попытки озарить законодательную мѣру лучемъ гуманности, одухотворить ее государственной справедливостью; равнымъ образомъ Положеніе не внесло коренныхъ реформъ въ еврейскую жизнь, не дало твердыхъ началъ для ея будущаго развитія. И, конечно, въ любой передовой странѣ о подобномъ законодательномъ актѣ можно было бы говорить спустя вѣкъ лишь какъ о памятникѣ прошлаго, сохранившемъ одинъ только историческій интересъ. Но у насъ, гдѣ, благодаря медленному социально-культурному прогрессу, многія явленія государственной и общественной жизни даже по прошествіи ста и болѣе лѣтъ сохраняютъ свое былое значеніе—а ригорі можно было ожидать, что въ частности и законодательство о евреяхъ, установленное въ 1804 г., не утратитъ и понынѣ своей извѣстной силы. Въ дѣйствительности, однако, оказалось даже большее: поразительная живучесть выпала на долю не только отдѣльныхъ постановленій Положенія 1804 г.,—въ полной силѣ сохранился втеченіе протекшаго вѣка самый генезисъ этого законодательнаго памятника,—и въ результатъ получилось, что нынѣшнія условія гражданской жизни евреевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являются менѣе благоприятными, чѣмъ сто лѣтъ назадъ.

„Еврейскую“ реформу, нашедшую свое выраженіе въ

Положеніи 1804 г., было рѣшено провести не потому, что ея настоятельно требовала сама бѣдственная еврейская жизнь, а только потому, что послѣдствія этой жизни сказывались и на мѣстномъ христіанскомъ обществѣ. Въ связи съ этимъ указанная реформа должна была „обезвредить“ еврея, но не улучшить условія его существованія.

Болѣе всего правительство занимала мысль, что евреи опаиваютъ и эксплуатируютъ крестьянъ западныхъ губерній. Было бы естественно, если бы въ заботѣ о благосостояніи крестьянъ правительство, въ ряду другихъ мѣропріятій, обратило вниманіе и на то, что, проживая—въ силу вѣковыхъ условій во время польскаго господства—массами по деревнямъ, селамъ и дорогамъ, евреи принимали широкое участіе въ винномъ промыслѣ и, занимаясь арендами, хищнически—какъ говорила молва—вели хозяйство. Но вѣдь основныя черты жизни крестьянъ и причины ихъ моральнаго паденія и экономического бѣдствія не коренились въ этой—скажемъ, вредной—дѣятельности евреевъ, тѣмъ болѣе, что евреи не пользовались правомъ винокуренія и владѣнія землей,—они являлись только посредниками, дѣятельность которыхъ всецѣло опредѣлялась тѣми, кому принадлежали указанные права и проистекавшія отъ этихъ правъ выгоды. Самое крѣпостное состояніе крестьянъ и то, что государственный бюджетъ черпалъ немалую часть своихъ ресурсовъ въ доходахъ отъ питейнаго промысла, являлись достаточными факторами для веденія помѣщиками интенсивнаго хозяйства и для развитія пьянства среди крестьянъ. Но если правительство видѣло себя вынужденнымъ позаботиться объ улучшеніи крестьянской жизни, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно считало наиболѣе важнымъ ничѣмъ не колебать авторитета и благосостоянія помѣщиковъ—этой опоры тогдашняго государственнаго порядка,—и поэтому правительство обратило мѣры „исправленія“ въ сторону наименьшаго сопротивленія—въ сторону евреевъ.

Однако, скопленіе евреевъ въ уѣздахъ и занятіе виннымъ промысломъ, вредно отражаясь на крестьянахъ, влекло за собою также нищенское существованіе и деморализацію самой еврейской массы, которая, при всемъ желаніи, не въ силахъ была измѣнить своего экономического быта, такъ какъ, не располагая свободой передвиженія, не могла выйти

за предѣлы „черты осѣдлости“. Такимъ образомъ, если особаго рода „политическія“ соображенія требовали, чтобы предстоявшая еврейская реформа была объяснена вредной дѣятельностью евреевъ и направлена въ ихъ сторону, то по существу эта реформа являлась необходимой и для евреевъ, и задача заключалась лишь въ томъ, чтобы дѣйствительно улучшить положеніе обѣихъ страдавшихъ общественныхъ группъ. Но правительство—въ лицѣ особаго комитета, главная роль въ которомъ принадлежала Чарторыжскому и гр. Кочубею, этимъ представителямъ тогдашняго либеральнаго общества, заимствовавшимъ на Западѣ самое высокое понятіе о правахъ человѣка и гражданина,—не только рѣшило возложить всю тяжкую отвѣтственность за бѣдствія въ краѣ на евреевъ, но, видя изъ собраннаго матеріала, въ какой нищетѣ жила еврейская масса, оставило безъ всякаго вниманія ихъ нужды, ибо эти нужды находились въ глубокомъ противорѣчій съ намѣченной реформой.

Было признано, что пребываніе въ уѣздахъ около 60.000 еврейскихъ семействъ вредно для крестьянъ, и во имя такого частнаго интереса крестьянъ и охраненія престижа помѣщиковъ комитетъ постановилъ выселить всю эту массу втеченіе трехъ лѣтъ съ насиженныхъ вѣками мѣстъ и притомъ почти безъ всякой помощи со стороны правительства. Какъ благодареніе нищимъ людямъ было *разрѣшено* строить фабрики и предоставлено право пріобрѣтать незаселенныя земли (т. е. безъ крѣпостнаго населенія), обѣщая при этомъ самую ничтожную помощь.

Мѣра выселенія—какъ комитетъ могъ предвидѣть—не была осуществлена: даже въ меньшемъ масштабѣ предпринимавшіяся при Екатеринѣ II подобныя мѣропріятія оказывались безуспѣшными, такъ какъ многотысячная масса, при сохраненіи въ силѣ старыхъ формъ ея быта и условий окружающей жизни, не была въ состояніи найти новыхъ источниковъ пропитанія и новаго убѣжища. Правда, по обнаруженіи Положенія 1804 г. тысячи семействъ были выгнаны изъ селъ и деревень, но вскорѣ эта масса, лишенная крова и пиши, нравственно истерзанная, стала опасной для общественнаго спокойствія, и выселеніе было пріостановлено.

Въ этомъ эпизодѣ сказались три характерныхъ момента, которые не трудно замѣтить и въ дальнѣйшей рус-

ской законодательной работѣ о евреяхъ: во имя престижа существующаго порядка евреи выставляются единственными виновниками всѣхъ бѣдъ; съ цѣлью оставить неприкосновеннымъ этотъ порядокъ дѣлается новая настойчивая попытка, несмотря на прежнія неудачи, въ корнѣ преобразовать поспѣшными, крутыми мѣрами еврейскую жизнь—только ее одну—при сохраненіи прочихъ окружающихъ ее условий; и, наконецъ, производя соответствующую реформу, правительство преднамѣренно игнорируетъ ея тягчайшія экономическія послѣдствія для еврейскаго населенія. Тутъ, передъ лицомъ еврейскаго народа, предаются забвенію законъ совѣсти, основной социальный законъ и даже наиболѣе властный—экономическій законъ.

При такомъ-же игнорированіи элементарныхъ правъ еврейскаго населенія и одновременномъ примѣненіи къ нему принудительныхъ мѣръ, комитетъ разработалъ и культурную сторону еврейской реформы. Чтобы „обезвредить“ евреевъ въ гражданскомъ отношеніи комитетъ рѣшилъ пріобщить ихъ къ русской жизни. Здѣсь, какъ и въ экономической реформѣ, намѣренія комитета по своему существу соответствовали потребностямъ еврейскаго населенія.

Взамѣнъ судебной и административно-финансовой автономіи, которою евреи пользовались во времена польскаго господства и которая ихъ изолировала отъ окружавшей обшей жизни, Екатерина II предоставила имъ права, принадлежавшія русскому торгово-промышленному классу, пользовавшемуся широкимъ сословно-городскимъ самоуправленіемъ, благодаря чему, исторгнутые изъ своей обособленности, евреи, не встрѣчая ограниченийъ въ другихъ сферахъ жизни, оказались въ такихъ-же гражданскихъ условіяхъ, какъ и христіанскіе купцы и мѣщане. Но спустя нѣкоторое время, безъ объясненія мотивовъ, на евреевъ была наложена двойная, сравнительно съ христіанами, подать; свобода ихъ передвиженія была скована „чертою осѣдлости“; вмѣстѣ съ тѣмъ начали вводиться ограниченія въ ихъ выборное право: евреи не могли занимать главныхъ должностей, избирались лишь въ строго опредѣленномъ числѣ на низшія должности. Въ результатѣ, обособленность еврейскаго общества, поколебленная въ тотъ моментъ, когда начало развиваться его

гражданское самосознаніе, стала вновь отдалять еврейское населеніе отъ русской жизни и ея интересовъ.

Ясно, что разъ комитетъ стремился къ противоположной цѣли, онъ долженъ былъ улучшить гражданское положеніе евреевъ, т. е. уничтожить унижительную двойную подать и уравнивать ихъ въ выборномъ правѣ. Но уничтоженіе двойной подати побудило бы правительство взыскать недостающую сумму съ прочаго мѣстнаго населенія, а возвращеніе евреямъ ихъ прежней роли въ сословно-городскомъ самоуправленіи не отвѣчало желанію христіанскаго общества, и эти „интересы“ побудили комитетъ отказаться отъ положительныхъ мѣропріятій, которыя естественнымъ ходомъ осуществили бы задачу комитета — и опять, какъ въ экономической реформѣ, комитетъ сдѣлалъ попытку, сохраняя тѣ условія, которыя создавали еврейскую обособленность, измѣнить гражданскій обликъ евреевъ лишь принудительными мѣрами.

Таковъ былъ основной характеръ перваго свода русскихъ законовъ о евреяхъ. Среди разнообразныхъ законодательныхъ памятниковъ прошлаго, столь часто отмѣченныхъ несправедливостью и жестокостью, торжествомъ частныхъ узко-эгоистическихъ цѣлей, Положеніе 1804 года отнюдь не выступаетъ въ первые ряды; но врядъ-ли какой-либо изъ нихъ, имѣя за собою цѣлый вѣкъ, сохранилъ по настоящій день свою живучесть, какъ Положеніе 1804 года. Въ теченіе ста лѣтъ не измѣнялся духъ этого законодательнаго памятника, въ теченіе ста лѣтъ еврей, какъ человекъ и гражданинъ, разсматривался стоящимъ „внѣ закона“ — закона естественнаго, соціальнаго и экономическаго. Старые исключительные законы дѣйствовали въ продолженіе всего вѣка, рождая новые, подобные себѣ.

Черта осѣдлости, нерѣдко временами съживавшаяся, такъ же, какъ и тогда, цѣпко держитъ нынѣ еврейское населеніе въ своихъ всеокрушающихъ тискахъ; массовое выселеніе евреевъ изъ разныхъ мѣстъ не разъ возобновлялось за протекшее столѣтіе; запрещеніе жить въ селахъ и деревняхъ попрежнему не выпускаетъ евреевъ изъ городовъ; двойная подать, уничтоженная еще въ царствованіе Александра I, долго впослѣдствіи компенсировалась усилен-

нымъ наборомъ еврейскихъ рекрутъ, а теперь до известной степени осуществляется употребленіемъ суммъ изъ специально еврейскаго коробочнаго сбора на общія нужды. Сто лѣтъ назадъ евреи, хотя и были ограничены въ избирательномъ правѣ, все же принимали участіе въ городскомъ и сословномъ самоуправленіи, неся, между прочимъ, известныя административныя и судебныя функціи,—теперь они совершенно устранены отъ общественно-гражданской дѣятельности; немногіе единичные еврей-гласные, не избираемые обществомъ, а назначаемые властью, лишены всякаго значенія въ думахъ; ничтожное участіе предоставлено евреямъ теперь лишь въ сословномъ управленіи; сто лѣтъ назадъ евреевъ поощряли къ землевладѣнію,—нынѣ земля является запретнымъ плодомъ для нихъ, и двери учебныхъ заведеній, открытыя передъ евреями на порогѣ 19 в.—закрылись на исходѣ его.

Если бы, въ виду известной связи между условіями еврейской и общерусской жизни, регрессъ въ гражданскихъ правахъ еврейскаго общества вызывался лишь причинами общегосударственнаго характера, то, несмотря даже на то, что русская государственная система, особливо въ моменты реакціи, вліяетъ на судьбу евреевъ въ исключительно-острой формѣ, возможно было бы ожидать, что этотъ густой туманъ правовыхъ ограниченій, окутывающій еврейское населеніе въ теченіе вѣка, разсѣется съ первой зарей.

Но приходится, къ сожалѣнію, думать, что будущая судьба евреевъ въ Россіи не опредѣлится однимъ указаннымъ факторомъ. Трагизмъ живучести стараго законодательства о евреяхъ именно и заключается въ томъ, что въ ограниченіи гражданскихъ и человѣческихъ правъ еврейскаго населенія—въ этомъ великомъ человѣческомъ жертвоприношеніи—принимала участіе не одна лишь правительственная власть, но и разнообразныя общественныя группы, и нерѣдко инициатива принадлежала именно имъ. Даже въ недавніе весенніе дни отдѣльныя общественныя группы обнаружили упорное желаніе сохранить за собою исключительныя, въ сравненіи съ евреями, права.

Можно думать, что привычка видѣть евреевъ въ гражданскомъ униженіи стала второй натурой известной части рус-

скаго общества, и нерѣдко человѣкъ просвѣщеннаго ума и благородныхъ стремленій становится — когда ему показываютъ связаннаго еврея—язычникомъ и принимаетъ жертву. И объ этой аномаліи психическаго и моральнаго характера говорятъ такъ же снисходительно, какъ о томъ, что какой-нибудь ученый мужъ одержимъ маленькимъ суевѣрнымъ представленіемъ, на примѣръ, боится числа „13“ ...

Кровавыя событія, такъ недавно разразившіяся надъ еврейской жизнью въ Россіи, прославившія скромные провинціальныя города Кишиневъ, Гомель и др., устрашили весь міръ, показавъ, что и въ культурномъ обществѣ легко пробудить звѣря; но эти событія еще болѣе устрашили евреевъ, показавъ, что и въ многочисленномъ культурномъ обществѣ можно въ такую ужасную минуту остаться одинокимъ...

Въ этомъ индифферентизмѣ огромнаго большинства къ судьбѣ еврейскаго населенія таится ключъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса, и, если для счастья Россіи нужны политическія реформы, то для счастья евреевъ необходимо еще уничтоженіе въ большей части русскаго общества языческихъ пережитковъ.
